

**Сергей ПОСОХОВ,
Виктория ИВАЩЕНКО**
(Харьков, Украина)

**Образы профессоров-иностранцев
Харьковского университета
начала XIX в. в воспоминаниях
современников***

Обращаясь к начальной истории российских университетов, невозможно обойти вниманием профессоров-иностранцев, составляющих в этот период основу университетской корпорации. Только в Харьковском университете из 47 профессоров и адъюнктов, состоящих на службе с 1803 г. по 1814 г., 29 были иностранцами, из них 18 немцы, 7 имели славянское происхождение, 4 были французами [2, с.488].

В последние годы университетская историография, с одной стороны, пополнилась работами, освещающими вклад иностранных ученых в становление университетов Российской империи [1, 13], с другой – вышла на новый уровень, пытаясь в целом осмыслить проблему трансфера и адаптации университетской идеи из Европы в Россию на протяжении XVIII и XIX ст. [5].

Еще одним шагом в этом направлении видится изучение образов иностранных профессоров (в данном случае – Харьковского университета), сложившихся в воспоминаниях их современников. На данный момент комплекс мемуарных источников по дореволюционной истории Харьковского университета опубликован [20] и уже стал объектом специального изучения [10], что в значительной степени облегчает разработку поставленной проблемы.

Прежде всего, весьма интересным представляется сопоставление тех целей и задач, которые ставили перед собой выходцы из европей-

* Статья подготовлена в рамках Международного исследовательского проекта «Ubi universitas, ibi Europa» («Трансфер и адаптация университетского образования в России второй половины XVIII – первой четверти XIX в.»), поддержанного Германским историческим институтом в Москве и Фондом Герды Хенкель.

ских университетов, с восприятием их деятельности местным сообществом.

Устремления многих европейских ученых, приехавших в начале XIX в. в Россию, выразил на страницах своих мемуаров Христоф-Дитрих (Христофор Филиппович) фон Роммель. Получив блестящее образование на философско-литературных факультетах Марбургского и Геттингенского университетов, Роммель начал преподавательскую деятельность в Германии сначала как приват-доцент в Геттингене, а с 1804 г. как экстраординарный профессор классической филологии в Марбургском университете. Уже через год талантливый ученый был утвержден в должности ординарного профессора, однако в условиях наполеоновских войн, когда ряд немецких университетов оказались под угрозой ликвидации, принял приглашение занять кафедру древней литературы в Харьковском университете. Кроме вполне понятного стремления быть дальше от театра боевых действий и обеспечить себе ближайшее будущее, Роммель, по его словам, «жаждал выступить в большем, более свободном круге деятельности, способствовать распространению научной культуры на еще не обработанной земле, и это пересилило сыновнюю любовь к Родине» [17, с.86].

Как профессор Харьковского университета (1811–1814 гг.) Роммель стремился «основать в центре Украины новый постоянный центр литературного и гуманистического образования» [17, с.153]. И далее, изображая собственную научную и педагогическую деятельность, студенчество, борьбу многочисленных университетских партий и групп, фигуры отдельных профессоров, Роммель прежде всего подчеркивал просветительскую миссию иностранных ученых.

Так, пытаясь осмыслить суть постоянного противостояния россиян, немцев, французов, подданных Австрийской империи, Х.Ф. Роммель отмечал: «Русские и иностранцы во всем отличались: с первыми мне приходилось иметь дела, когда они касались интересов государства, с другими я решал все литературные проблемы» [17, с.120]. В частности, с «рьяным ненавистником россиян, борцом за образование, литературу и философию» И. Шадом Роммель подготовил к изданию две части «Хрестоматии немецкого языка в прозе и стихах» [16, с.123].

В целом, Роммель очень высоко оценивал потенциал немецких ученых, преподававших в Харькове в начале XIX в. Он говорит о «чудесном математике и астрономе» И. Гуте, «чрезвычайно старательном фармацевте» Ф. Гизе, «гениальном враче и ветеринаре» Ф. Пильгере, подающем большие надежды преподавателе политической экономии

Сергей ПОСОХОВ, Виктория ИВАЩЕНКО. Образы профессоров-иностранцев

И. Ланге, «украшении университета и юридическо-политического факультета» философе Ф. Швейкарте и многих других [17, с.124–125]. Что касается профессоров – выходцев из Франции и славянских земель, то, подтрунивая над их слабостями, Роммель, тем не менее, признает достижения последних, включая их на правах «фракций» в состав «немецкой партии» [17, с.120–122, 125–127].

В отзывах харьковского студенчества также можно встретить весьма лестные оценки иностранной профессуры. Один из первых выпускников университета поэт В.Г. Маслович, возмущенный высылкой из России профессора И. Шада, обвиненного в вольнодумстве, в поэтической форме обратился к своему наставнику:

Где б ни был ты, всегда пребудешь славным,
Честь, украшение тем местам,
Где оснуешь свое жилище.
Найдешь признательность везде.
Хотя число и небольшое,
Но сердцу твоему драгое...

И то России чести мало, что истинно тебя не знала [9, с.74].

Однако в большинстве случаев воспоминания о профессорах-иностранцах носили иной характер. Харьковский студент 1814–1816 гг. А.Г. Розальон-Сошальский, детально останавливаясь на личностях первых российских профессоров, вскользь упоминает «щеголя и любителя комфорта» К.П. Павловича, «прилизанного немца» В. Дрейсига, который «впрочем, считался очень ученым медиком», «суетливого, тощего Шада, на которого указывали пальцами, как на взяточника и распространителя неверия, под оболочкой темного философствования» [16, с.37] и ряд других профессоров. Исключение он делает лишь для профессора Ф. Гизе, который, по словам мемуариста, стал настоящим учителем его брату Ивану. Последний был настолько признателен своему наставнику, что получил в студенческой среде прозвище «Гиз» [16, с.33].

Студенту-медику начала 1820-х гг. Л. Ничпаевскому, заставшему «дряхлый обломок... многочисленной корпорации иностранцев», вспоминались «угрюмый вид, красное лицо, рыжий парик и оригинальная латынь» профессора А. Таубера, чудачества профессора Н. Паки-де-Совиньи и весьма почтенный возраст профессора Ф. Делявина [14, с.66 – 70].

Воспитанники других российских университетов, в частности Московского и Казанского, также довольно резко отзывались об «истощенных французах» [7, с.167] и «неисправимых косных немцах» [19, с.272], которые, по их твердому убеждению, являлись «эпигонами отжившего направления абстрактно философской немецкой академической схоластики» [8, с.131]. Как отмечает исследовательница мемуаров казанского студенчества С.А. Ежова, «редкий студент-мемуарист не описал какой-нибудь забавной истории, произошедшей на лекции преподавателей-немцев. Винтер, Фатер, Норман, Фогель, Камбек и другие служили предметом насмешек для студентов всех факультетов и неизменной мишенью для оттачивания остроумия многих авторов» [8, с.131].

Этот негативный образ иностранного ученого, заложенный в источниках мемуарного характера, получил широкое распространение, и среди прочего нашел отражение во многих работах советских историков, где указывалось на то, что «иностранцы, прежде всего, заботились о собственном заработке, нежели о хорошей постановке преподавания и развития науки», «равнодушно относились к своим обязанностям», что «не иностранные профессора определяли лицо молодого университета», что «многие иностранцы были совершенно невежественны» [21, с.22, 25].

Конечно, далеко не все иностранные профессора были на высоте университетских требований, как например классик Э. Маурер, который получил кафедру в Харьковском университете только благодаря своим обширным связям в России. По мнению, как современников, так и позднейших биографов, он при всем своем трогательном усердии был мало полезен студентам, поэтому при первом же удобном случае был уволен со службы [4, с.93; 12, с.171–173].

Однако большинство из прибывших в Россию немецких профессоров получили прекрасное европейское образование, многие имели широкую известность в научных кругах. Одним из наиболее известных ученых начального периода истории Харьковского университета был экономист и юрист Л. Якоб – профессор и ректор университета в Галле, автор 35 работ в области философии, богословия и психологии. Из ученых в области естественных наук обращает на себя внимание фигура профессора физики и математики Франкфуртского университета И. Гута, издавшего ряд трудов по математике, механике, физике, архитектуре. Во Франкурте он создал прекрасную обсерваторию, где проводил астрономические наблюдения, открыв с 1801 по 1807 гг.

Сергей ПОСОХОВ, Виктория ИВАЩЕНКО. Образы профессоров-иностранцев
четыре кометы. За открытие первых трех Гут получил половину денежной премии И.Э. Боде.

И в России эти ученые продолжали много и плодотворно работать. Правда, были случаи, когда новая среда ломала уже сложившихся ученых, как это случилось с юристом Б. Рейтом, который в свое время окончил Йенский, Геттингенский и Лейпцигский университеты, занимал должность вице-директора Дерптского университета, был автором фундаментальных трудов по истории Франции и Италии. Большинство своих работ Рейт издал в дохарьковский период. В Харькове же наблюдается сначала снижение научной продуктивности ученого, а после 1815 г. можно говорить о полном прекращении его научно-литературной деятельности. Рейт был так напуган действиями российского правительства, прежде всего, удалением из Харьковского университета профессора Шада, что даже на лекциях, «диктуя своим слушателям естественное право, он по несколько раз обдумывал и изменял выражения самые невинные, боясь проговориться» [3, с.52].

В то же время для многих профессоров-иностранцев пребывание в России было периодом расцвета их научной деятельности. Здесь речь идет об уже не раз упоминавшемся философе И. Шаде, который опубликовал в России несколько солидных трудов, в том числе «Чистую логику» (1812), «Естественное право» (1814), и, по мнению некоторых исследователей, основал в России научную школу, к которой можно отнести Г. Гесс-де-Кальве, П. Ковалевского, Г. Хлапонины, А. Дудровича, П. Бразоля, И. Любочинского и некоторых других [22, с.79 – 87].

Химик Ф. Гизе принял активное участие в создании химической лаборатории, исследовал полезные ископаемые Слободско-Украинской губернии, издал учебник «Всеобщая химия для учащихся и учащихся» (т.1– 5, Харьков, 1813 – 1817; пер. с нем. В. Комлишинского), который считался образцовым для своего времени. Впоследствии Гизе перешел в Дерптский университет, и некоторое время был его ректором.

Юрист Ф. Швейкарт создал в Харькове на четверть столетия раньше, чем в других российских университетах, кафедру истории римского права. Экономист И. Ланг еще в 1815 г. разработал то, что сегодня называется общеэкономическим финансовым расчетом. Заново это открытие состоялось только во второй половине XX в.

Этот список можно продолжать и далее, поэтому на сегодня есть все основания говорить о значительной роли приглашенных из-за границы профессоров в становлении российского университетского образования и развития науки. Но если уровень профессионализма

профессоров-иностранцев не вызывает сомнения, чем тогда можно объяснить некоторую предвзятость, а иногда и стойкую неприязнь части российского общества к иностранным ученым?

Сами профессора-иностранцы объясняли этот феномен завистью к тем привилегиям, которые даровала им профессорская кафедра (а именно – получение высоких чинов и освобождение от налогов). Кроме того, они винили в этом уже сложившееся в предыдущую эпоху представление о немецких ученых как авантюристах и искателях титулов. Так, описывая встречу с российским посланником в Дрездене Ханниковым, Роммель отмечал, что «эти господа не имеют никакого представления о том типе немецких ученых, которые приезжают в Россию не ради желания обогатиться и иметь карету с лошадьми, а из высоких общечеловеческих и научных убеждений» [17, с.102 – 103]. И далее, уже описывая ситуацию во время своего пребывания в России:

«Старые глупые россияне не отличали прибывших во времена императрицы Екатерины напыщенных авантюристов и невежд, которые хвалились профессорскими титулами, и приглашенных настоящих профессоров. Это было питательной средой для общей ксенофобии, которая во время французского вторжения достигла опасного распространения» [17, с.115].

Последнее замечание, по всей видимости, имеет под собой основание, поскольку местное население не очень различало иностранцев по их политическим убеждениям. Не только антифранцузские, а в целом антизападные настроения охватили даже образованных представителей российской общественности, и многие иностранные ученые после войны 1812 г. покинули Россию. Если в первое десятилетие иностранцев среди профессоров Харьковского университета было 59 %, то в 1810-е гг. – 23 %. При этом появилось только три новых иностранных профессора [3, с.502].

Несколько под иным углом зрения рассматривают взаимоотношения иностранной ученой коллегии с местным сообществом воспитанники российских университетов. Почти каждый мемуарист, характеризуя преподавательскую деятельность иностранных профессоров, упоминал о существовавшем культурном барьере. А.И. Герцен, обращаясь ко времени, проведенному в Московском университете, отмечал:

«Немцы, в числе которых были люди добрые и ученые, как Лодер, Фишер, Гильдебрандт и сам Гейм, вообще отличались незнанием и нежеланием знать русского языка, хладнокровием к студентам,

духом западного клиентизма, ремесленничества, неумеренным курением сигар и огромным количеством крестов, которых они никогда не снимали» [6, с.121].

Среди названного действительно важным элементом взаимного непонимания был язык общения. Профессора-иностранцы принесли с собой из-за границы стойкое убеждение, что университетское образование должно вестись на латинском языке. В начале XIX в. на латыни читались лекции, проводились экзамены, происходили дебаты на факультетах и советах, составлялись протоколы, письма. Чтение лекций велось также на немецком (химики И. Шнауберт и Ф. Гизе) и французском (экономист Д. Шмерфельд) языках. Некоторая часть студенчества была хорошо подготовлена в области древних и новых иностранных языков, поэтому в целом воспринимала лекции своих профессоров. Известно, что лекции И. Шада на латинском языке были чрезвычайно популярны у студентов. Роммель, говоря о практике чтения лекций на латинском языке, подчеркивал, что «каждый студент обязан был знать достаточно этот язык» [17, с.116]. Однако знание древних и новых языков было неравномерным: студенты, пришедшие в университет из духовных школ, лучше владели древними языками, а некоторые молодые дворяне – французским или немецким. В то же время были слушатели, не знавшие ни одного иностранного языка, что вынуждало их нанимать на время лекций переводчика.

Впрочем, даже признавая существование такой проблемы, далеко не все преподаватели стремились к ее разрешению. Пример профессора восточных языков Б. Дорна, который по прошествии шести лет пребывания в Харькове, свободно говорил по-русски [11, с.109], является скорее исключением. Большинство же иностранных ученых не изъявляло никакого желания изучать местный язык, и даже спустя десятилетие их общение с аудиторией было затруднено. В надгробной речи профессора терапии и клиники В. Дрейсига было отмечено, что он «худо знал русский язык – и это может быть, было причиною, что в леченнях своих не имел он обширной практики» [3., с.822]. Профессор естественной истории и ботаники Ф. Делявинь «по-русски ни слова не знал, называл по-русски только животных и то, читая по складам, по тетрадке» [14, с.68]. С теми же проблемами сталкивались московские и казанские студенты, которые вынуждены были слушать лекции на странной смеси немецкого, латинского, русского и языка жестов [8, с.130; 17, с.71].

Пренебрежение к местному языку зачастую воспринималось как пренебрежение к местным обычаям и традициям и усугублялось проблемами веры, которые не всегда осознавались немецкими профессорами. Вспоминая о похоронах первого ректора Харьковского университета И.С. Рижского, Роммель говорит о единении с «толерантным русским духовенством», с чувством восклицая: «Мы, иностранцы-протестанты, не колеблясь, даже поцеловали распятие, которое нам протянул архiereй» [3, с.117].

В то же время один из харьковских студентов с горечью отмечает: «Очень долго (до 1828 г.) при университете не было православной церкви; между тем немецкая кирха там существовала; она была устроена в одной из университетских аудиторий» [14, с.67]. Более того, по отношению к иностранным профессорам иногда употреблялись такие выражения как «распространитель неверия», «вольнодумец», а их либеральные взгляды рассматривались как надругательство «над всеми религиозными верованиями и обрядами, над святыми, их мощами, иконами и т.д.» [11, с.107].

Зачастую удивление современников вызывали поведение и внешний облик иностранных ученых. К разряду анекдотов, которые передавались из поколения в поколение, можно отнести рассказы о том, как профессор Н. Паки-де-Совиньи передвигался по грязным харьковским улицам на ходулях или о том, как профессор Я. Белен-де-Баллю сдал в полицию свинью, которая совершала набеги на его владения [14, с.69; 16, с.35].

При этом, говоря о том же Н. Паки-де-Совиньи, студенты отмечали его пристрастие к «стародавним модам, костюмам, давно вышедшим из употребления» [14, с.69], а, вспоминая К.П. Павловича, не уставали посмеиваться над «желаниями старца преобразиться в юношу» [11, с.114].

Впрочем, противостояние местного сообщества с профессорами-иностранцами славянского происхождения было не столь резким. Они довольно быстро адаптировались к местной культурной среде, о чем свидетельствует избрание А.И. Стойковича и А.И. Дудровича ректорами Харьковского университета. Хотя с именем того же А.И. Стойковича связан один из самых громких скандалов этого периода.

Пользуясь предоставленным профессорской коллегии правом ввозить беспошлинно для личного потребления предметы на сумму до 3000 рублей, Стойкович выписывал на продажу венгерское вино, ленты, бусы, картины и т.д. После длительных разбирательств предприимчивый

Сергей ПОСОХОВ, Виктория ИВАЩЕНКО. Образы профессоров-иностранцев ректор был вынужден выйти в отставку [15, с. 13–16]. Подобной коммерческой деятельностью занимались и другие профессора, в частности, К. Нельдехен организовал торговлю вином. Стремясь поставить дело на широкую ногу, он взял у местных помещиков средства на обустройство винокуренных заводов, но так и не смог наладить производство, что привело к неприятным разбирательствам в университетском правлении [3, с. 835]. Это увлечение профессоров-иностранцев торговыми операциями оценивалось местным населением крайне негативно, поскольку в его глазах такие действия со стороны чиновников, находящихся на российской службе, были недопустимы.

Таким образом, те цели и задачи, которые ставили перед собой выходцы из европейских университетов (а, кроме желания повысить свое благосостояние и получить новые возможности на служебном поприще, мы можем говорить о миссионерских устремлениях нести свет науки и образования в малоизвестную Европе страну), часто наталкивались на непонимание со стороны местного сообщества. Одно из ярких свидетельств «культурного конфликта» – галерея образов профессоров-иностранцев, созданная их современниками.

В поле зрения представителей местного сообщества оказались следующие характеристики: во-первых, профессиональная деятельность иностранных ученых – прежде всего, преподавательская; во-вторых, взаимоотношения с университетской и внеуниверситетской средой, которые рассматривались через призму общности, а чаще различий в области культуры (языка общения, системы ценностей, поведенческих норм и т.д.); в-третьих, события частной жизни, имеющие вид скандала. Отсутствие видимого интереса к научной и общественной деятельности профессоров-иностранцев привело к тому, что в университетской мемуаристике начала XIX в. образы «ученого» и «просветителя» так окончательно и не оформились и были вытеснены другими – образами «вольнодумца», «коммерсанта», «ученого чудака». В дальнейшем эти образы прочно вошли в историографическую традицию, переосмысление которой началось не так давно.

Источники и литература

1. Андреев А.Ю. «Геттингенская душа» Московского университета: (Из истории научных взаимосвязей Москвы и Геттингена в начале XIX в.) // Вопросы истории естествознания и техники. – 2000. – №2.

2. Багалея Д.И. Опыт истории Харьковского университета: (По неизданным материалам): В 2 т. Т.1. (1802–1815). – Х., 1893–1898.

3. *Багалея Д.И.* Опыт истории Харьковского университета: (По неизданным материалам): В 2 т. Т.2. (1815–1835). – Х., 1904.

4. [*Боровиковский И.И.*] Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // Харьковский университет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів і вихованців: У 2 т. Т.1 / Укл. Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.І. Кадєєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов. – Х., 2008.

5. «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в.: Сб. статей. – М., 2009.

6. *Герцен А.И.* В Московском университете: (Из книги «Былое и думы») // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): Сб. ст. / Сост. Ю.Н. Емельянов – М., 1989.

7. *Гончаров И.А.* Воспоминания: В университете (Как нас учили пятьдесят лет назад) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): Сб. ст. / Сост. Ю.Н. Емельянов – М., 1989.

8. *Ежова С.А.* Мемуары воспитанников Казанского университета как исторический источник (XIX в.): Дис... канд. ист. наук: 07. 00. 09 / Казанский гос. ун-т. – Казань, 1995.

9. *Єрофій І.Ф.* Харківські спогади В.Г. Масловича // Записки історико-філологічного відділу. – 1927. – Кн.13–14.

10. *Іващенко В.Ю.* Мемуари професорів та студентів з історії Харківського університету XIX – початку XX ст.: Дис... канд. ист. наук: 07.00.06 / Дніпропетровський національний університет. – Дніпропетровськ, 2003. – 216 с.

11. Из воспоминаний студента Н. // Харьковский университет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів і вихованців: У 2 т. Т.1 / Укл. Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.І. Кадєєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов. – Х., 2008.

12. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалея. – Х., 1908.

13. Немецкие ученые – профессора Казанского университета // Сост. В.Г. Диц, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. – Казань, 2004. – 180 с.

14. *Ничпаевский Л.* Воспоминания о Харьковском университете, 1823 – 1829 годы // Харьковский университет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів і вихованців: У 2 т. Т.1 / Укл. Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.І. Кадєєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов. – Х., 2008.

15. *Посохов С.И.* Конфликты в Харьковском университете в начале XIX в. и их интерпретация в публицистике и историографии // *Universitates. Университеты: Наука и просвещение.* – 2008. – №4.

Сергей ПОСОХОВ, Виктория ИВАЩЕНКО. Образы профессоров-иностранцев

16. *Розальон-Сошальский А.Г.* Мои воспоминания // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів і вихованців: У 2 т. Т.1 / Укл. Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.І. Кадеєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов. – Х., 2008.

17. *Роммель К.-Д.* Спогади про моє життя та мій час. – Х., 2001.

18. *Свербеев Д.Н.* Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): Сб. ст. / Сост. Ю.Н. Емельянов – М., 1989.

19. *С[оковни]н Н.Н.* Воспоминания старого казанского студента. 1856 – 1858 // Русская старина. – №5. – 1892.

20. Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів і вихованців: У 2 т. Т.1 / Укл. Б.П. Зайцев, В.Ю. Іващенко, В.І. Кадеєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов. – Х., 2008.

21. Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. – Х., 1955.

22. *Чижевський Д. І.Б.* Шад і його учні // Чижевський Д. Філософія на Україні. – Прага, 1926.

Сергей Посохов, Виктория Иващенко (*Харьков, Украина*) **Образы профессоров-иностранцев Харьковского университета начала XIX в. в воспоминаниях современников**

В статье предпринята попытка выявления и анализа образов профессоров-иностранцев Харьковского университета начала XIX в., которые сложились в мемуарной литературе. Позиция иностранных ученых представлена в воспоминаниях профессора К.-Д. Роммеля, который довольно высоко оценивает научный потенциал иностранцев, прежде всего своих соотечественников – немцев. В записках современников-харьковчан также можно встретить весьма лестные отзывы о профессиональной деятельности иностранных ученых, однако в большинстве случаев источники мемуарного характера создают негативный образ профессора-иностранца. Корни этого феномена следует искать во взаимоотношениях иностранцев с местными жителями, которые рассматриваются мемуаристами через призму культурных различий, что находит отражение в сюжетах о языке общения, религиозных убеждениях, внешнем виде и особенностях быта иностранных ученых.

Ключевые слова: профессора-иностранцы, мемуары, Харьковский университет

Сергій Посохов, Вікторія Іващенко (*Харків, Україна*) **Образы професорів-іноземців Харківського університету початку XIX ст. у спогадах сучасників**

У статті зроблено спробу виявити та проаналізувати образи професорів-іноземців Харківського університету початку ХІХ ст., що склались у мемуарній літературі. Позиція іноземних учених подана у спогадах професора К.-Д. Роммеля, який доволі високо оцінив науковий потенціал іноземців, передусім своїх співвітчизників – німців. У записках сучасників-харків'ян також можна зустріти схвальні відгуки щодо професійної діяльності іноземних учених, однак здебільшого джерела мемуарного характеру створюють негативний образ професора-іноземця. Коріння цього феномену слід шукати у взаємовідносинах іноземців з місцевими жителями, що розглядаються мемуаристами через призму культурних відмінностей, що знаходить відображення в сюжетах про мову спілкування, релігійні уподобання, зовнішній вигляд та особливості побуту іноземних учених.

Ключові слова: професори-іноземці, мемуари, Харківський університет

Sergey Posokhov, Viktoriya Ivashchenko (*Kharkov, Ukraine*) **Images of professors-foreigners of Kharkov University at the beginning of the 19th century in memoirs of contemporaries**

The images of professors-foreigners of Kharkov University at the beginning of the 19th century, which have developed in memoir literature, are revealed and analyzed in the article. The position of scientists-foreigners is presented in the memoirs of Professor K.D. Rommel who highly appreciated scientific potential of foreigners, and first of all, his German compatriots. In the notes of contemporaries who were residents of Kharkov, the author found rather flattering responses about the professional work of scientists-foreigners; however, in most cases memoirs create a negative image of a professor-foreigner. We should look for the roots of the phenomenon in the relations of foreigners with natives who were considered by memoirists through the prism of cultural distinctions that finds reflection in plots about language, religious beliefs, appearance, and a way of life of foreign scientists.

Key words: professors, foreigner, memoirs, Kharkov university